

Nezāle

Rūdolfs Blaumanis

Сорная трава

Рудольф Блауманис

Lingtrain Books

Nezāle

Сорная трава

Viņu īsti vajadzēja nosaukt par Mozu, jo viņu izvilka iz ūdeņa, gan ne iz Nīlupes un ne Vāraus meita, bet līdzietīga veca māmuliņa iz pa pusei aizaugušas dzelmes, kura bija meža vidū. Bet, kad minētā māmuliņa rūpējās tikai par savu sēņu un ogu īsto nosaukumu, kuras lasīt bija viņas amats, tad viņa izglābto cilvēka bērnu, neizsacīdama nekādus vēlējumus par viņa nākamo vārdu, nodeva tuvākājo zemnieku māju saimniekam, pie kura mazo, pusmirušo pasaules pilsoni, kad viņš bija nomazgāts, «notes kristībā» nosauca par Jāni. Tad par šo meža māmuliņas savādo atradumu ziņoja pagasta valdei, kura no savas puses šo atgadījumu pēc pienākuma atkal paziņoja bruģu tiesai. Pēdējā atrastā bērna māti stingri lika meklēt, bet meklējums palika bez sekmēm. Tādēļ minētā pagasta valde savā sapulcē - paklausīdama pienākumam, ne pašas dzinējam - nosprieda atrasto bērnu uz pagasta rēķina uzaudzināt. Vanagu māju saimnieks, tas pats, pie kura bērnu kristīja, izteicās, ka šo žēlsirdības darbu pret pienākošu atlīdzinājumu uzņemšoties, un pagasta valde šo augstsirdīgo piedāvājumu pieņēma bez debatēm.

Seši un pus gadus Vanagu saimnieks līdz ar savu sievu un saviem vairāk bērniem ar nenogurstošu pacietību izpildīja šo kristīga cilvēka pienākumu pie bārenīša, kuram nebija ne tēva, ne mātes, - tad pagasta vecākais nosacīja Jāniti par pieaugušu, un tas nu iesāka ēst paša pelnīto maizi. Viņš tapa par Vanagu saimnieka cūku ganu.

По-настоящему его следовало называть Моисеем, ибо он, подобно Моисею, был вытащен из воды, правда, не из Нила и не дочерью фараона, а сердобольной старушкой из полузаглохшего бочага посреди леса. Указанную старушку занимали только наименования грибов и ягод, служивших для нее источником существования, и, передавая младенца в руки хозяина близлежащего хутора, она не высказала никаких пожеланий относительно его имени. Полуживого мальчика выкупали, окрестили и нарекли Янисом. О странной маходке старушки заявили в волостное правление, которое в свою очередь изветило суд. Последний распорядился по всей строгости разыскать мать найденного ребенка, но поиски оказались безуспешными. Таким образом, упомянутое волостное правление, следуя скорее велению долга, чем собственному побуждению, приняло решение воспитать найденыша за счет волости. Хозяин хутора "Ванаги", тот самый, у которого окрестили найденыша, заявил, что он берется выполнять за соответствующее вознаграждение акт милосердия, и волостное правление без дальнейших дебатов приняло его великодушное предложение.

Шесть с половиной лет Ванаг, его жена и многочисленные дети с неустанным терпением выполняли христианский долг по отношению к этому сироте без роду и племени, а затем волостной старшина объявил Яниса взрослым, и тот начал есть заработанный своими руками хлеб. Он стал свинопасом в усадьбе "Ванаги".

Tas arī bij žēlastības darbs, ka Vanags viņu paturēja, jo kurš cits gan būtu pieņēmis mazo zēnu, kura nesavaldāmība un nerātība bija tapuse par parunu? - Vanags gan bija darijis, ko vien iespēja, lai bērnam iepotētu kristīgus tikumus, viņa sieva rikstes nebij taupījuse, - kā zināms, šīs zāles Vidzemes mežos aug savā vaļā un tādēļ lēti dabūjamas, - un Vanagu bērni tam allaž bij rādījuši labas priekšzīmes; bet ko tas viss līdzēja pie bērna, kam morāliska nepilnība iedzimuse! No kura cita avota tās jaunās īpašības gan varēja nākt, kas pie Jāniša pamazām parādījās?... Vanaga bērni nemeloja. Kādēļ Jānītis meloja? Kādēļ viņš tik stūrgalvīgi liedza savu vainu, kad mazais Bērtuls tēvam sūdzēja, ka Jānītis iesitis ķēķa lodziņu, iebāzis kaķi darvas traukā vai zirgam no astes izplūcis sarus?...Viņa bērni nezaga. Kādēļ Jānītis to darija? Kur āboli bij palikuši, kurus viņš klēti priekš ziemas bij gribējis glabāt?... Viņa bērni bij pieklājīgi, rāmi un godīgi. Kādēļ Jānītis tāds nebij? Kur tās garās skrambas cēlās, kuras gandrīz vienmēr, brīžam gareniski, brīžam šķērsām, viņa seju darija nejauku, kamēr Bērtuliša, Anužiņas, Reiniša, Madītes un Miķēliša vaigi un degums nekad nebij saskrambāti?... Jā, Vanagu saimniekam bij taisnība, sakot, ka ābols no ābeles tālu neesot kritis.

Divpadsmit gadus vecs Jānis tapa par lopu ganu, bet viņš neganīja vis Vanagu saimnieka lopus, jo tas viņu pie sevis ilgāki nepaturēja, tādēļ ka tad viņam to vajadzētu sūtīt skolā. Un kur viņš, nabags vīrs, to lai iespētu? Soda naudu maksāt arī nebija patīkama lieta, kā viņš to jau zināja no piedzīvojumiem.

Со стороны Ванага это опять было актом милосердия, ибо кто еще согласился бы нанять мальчика, чье озорство и непослушание стали притчей во языцех? А между тем Ванаг сделал все возможное, что бы привить мальцу христианские добродетели, его жена никогда не жалела прутьев, - как известно, это лекарство в изобилии произрастает в видземских лесах и доступно даже малоимущим, - а дети Ванагов всегда и всюду подавали найденышу добрый пример. Но что поделатъ с ребенком, которому свойственна врожденная неустойчивость моральных основ! Иначе откуда взялись бы те дурные наклонности, которые с годами проявлялись все сильнее? Дети Ванага не лгали, почему же лгал маленький Яник? Почему он каждый раз так упорно отрицал свою вину, когда маленький Бертулис жаловался отцу, что Янис разбил в кухне оконное стекло, окунул кота в ведро со смолой или выдергивал у лошади из хвоста волос? Дети Ванага не воровали. Почему же воровал Янис? Так, например, куда могли деться яблоки, убранные хозяином на зиму в клеть? Дети хозяина всегда вежливы, честны и послушны... Почему же Янис был совсем не такой? Откуда брались эти вечные ссадины и царапины, так безобразившие его лицо? Щечки и носики Бертулыня, Аннужини, Рейнита, Мадиты и Микелита никогда не были в таких синяках и ссадинах... Да, Ванаг был прав, утверждая, что яблочко от яблони недалеко падает...

Двенадцати лет Янис начал пасти коров, но не у Ванага: тот правильно рассудил, что зимой придется посылать Яниса в школу. А разве ему, бедняку, это под силу? Ну, а платить штраф тоже не очень приятно - Ванаг это хорошо знал по опыту.

Bet pie sava jaunā saimnieka Jānis ilgi neizturēja. Tas no Vanaga bija dabūjis zināt, kāda gara bērns šis zēns esot, un tādēļ pret viņu tajā ziņā arī pienācīgi izturējās. Jurgos Jāņam bija jauns saimnieks, un atkal pēc gada viņam bij no jauna jāmaina dzīves vieta.

Par bagātu un taupīgu atzītais Krikums - aprunātāji viņu dēvēja par skopu - šoreiz ar zēnu gribēja izmēģināties. Ļoti lētā alga, par kādu Jānis bij dabūjams, viņu uz to pavedināja. Bez tam viņš jau dažu stūrgalvi caur savu stingrumu bij padarījis prātīgu, vai tad tas pie Jāņa neizdotos?

Но и у нового хозяина Янис выдержал недолго. Из разговоров с Ванагом хозяину стало ясно, каким сокровищем наградила его судьба, и само собой понятно, что он держался по отношению к новому пастуху соответствующим образом. На Юрьев день у Яниса был уже новый хозяин. На следующий год снова пришлось менять работу. Тогда богатый и расчетливый Крикум - злые языки, правда, называли его скупым - решил испытать малого. Прельстило его то обстоятельство, что Яниса можно было нанять по дешевке. К тому же ему не раз удавалось примерной строгостью в обращении с батраками образумить непокорных упрямцев; неужели Янис будет исключением?

Tikko divi nedēļas no Jūrģu dienas bija pagājušas, tad Krikums katram, kas to gribēja dzirdēt, apgalvoja, ka viņš vēl nekad savā mūžā tik slinku, stūrgalvīgu un rupju zēnu neesot redzējis, kāds Jānis. Tas zēns citam nekam nederot kā tikai sava maizes devēja kaitināšanai līdi nāvei. Šām viņa domām viņa priekšzīmīgā sieva pilnīgi piekrita, kaut gan citādi viņu domas nevienojās. Pie citām labām īpašībām un tikumiem viņai bija brīnišķa gaišredzība, un tādēļ viņa redzēja daudz lietas, kas citiem vienkāršiem ļaudīm palika paslēptas. Tā, piemēram viņa ne ar mazām izbailēm bij ievērojuse, ka Jānis samērā ar viņa darbību par daudz ēda. Mans Dievs, kādēļ ganu zēnam vajaga daudz ēst! Pie darba, kas prasīja tik maz spēka, kā lopu ganīšana, cilvēks nekad nevar būt tā izsalcis, kāds Jānis vienmēr bij, un Krikuma māte tādēļ ieguva to pārliecību, ka šis zēns tādēļ tik daudz ēdot ka savu saimnieci caur to gribot kaitināt. Labajai Krikumienei tad ūdens radās mutē un asaras acīs, kad viņa redzēja, kādu pulku kartupeļu un sviesta paniņu - mīļo maizīti nemaz neievērojot - Jānis pie pusdienas maltītes sabāza savā mutē. Tik daudz gandrīz pat ne kalpi neēda kuriem bija jāar, jāpļauj siens un jāstrādā citi grūti darbi. Nebija noliedzams, ka Krikums lieliski bija pārskatījis tādu lielu ēdēju saderēdams par ganu. Viņi padarīto misēkli pa daļai gribēja atkal izlabot, Jāni šad un tad likdami pie lielkalpu darba. Bet vai zēns gribēja klausīt! «Esmu pie jums saderējis par ganu un nestrādāšu nekādus citus kā gana darbus,» viņš kā nikns suns rūca caur zobiem. Vai tā nebija atklāta stūrgalvība! Viņi gribēja zēnam darīt labu, gribēja viņu pamazām ieradināt ar grūtiem darbiem, lai viņš nākošā gadā varētu saderēties par pilnīgu kalpu, un pateicības vietā viņš pretojās tādām labām nodomam. Kam šādā atgadījumā pacietība lai nebeidzas? Krikumam tā beidzās, un lietas beigas bija tās, ka Jānis dabūja labu kārtu pēriena. Pēc Krikumienes izsacījuma, pēriens allaž bij isti veselīgs un labdarīgs - vai viņa to runāja no saviem piedzīvojumiem, tas lai paliek neizpētīts. Bet pie Jāņa šis labdarīgais pienākums nerādījās, - viņš tapa vēl stūrgalvīgāks, nekā bijis, valkāja cepuri uz acīm uzspiestu, un viņa acis caur tās saplīsušo širmi raudzījās vēl spītīgāki nekā līdz šim. Kas te cits varēja līdzēt kā otra kārtā pēriena! To viņam arī uzskaitīja.

Только две недели прошло с Юрьева дня, а Крикум уже рассказывал всех, кому только не лень было слушать, что такого упрямого, ленивого и грубого парня он сроду не видал. Этот мальчишка способен только на то, чтобы до смерти злить своего кормильца. Эту мысль целиком разделяла и его примерная жена, хотя по остальным вопросам супруги не проявляли единодушия. Кроме многих других прекрасных качеств, Крикума обладала еще поразительным даром ясновидения и замечала многое, что для остальных смертных оставалось скрытым. Так, например, к великому своему ужасу, она очень скоро обнаружила, что Янис слишком много ест. Господи Боже, и зачем пастушонку так наедаться? Работа пастуха требует так мало сил, - просто невозможно, что бы после нее человек был всегда таким голодным, как Янис. И хозяйка пришла к убеждению, что малый столько есть только потому, что хочет позлить свою благодетельницу... У доброй Крикумы во рту собиралась слюна, а на глаза навертывались слезы при виде несметных количеств картофеля и пахтанья, не говоря уже о хлебе, исчезавших во время обеда во рту у Яниса. Столько съесть осмеливался не всякий батрак, которому приходилось и пахать, и косить, и справлять прочую тяжелую работу. Нет, Крикум, безусловно, дал маху, наняв в пастухи такого усердного едока. Тогда хозяева попытались отчасти исправить свою ошибку, поручая малому работу батрака. Но разве он слушался? «Я рядился в пастухи и другую работу делать не стану!» - ворчал он сквозь зубы, как цепной пес. Разве это не явное упрямство? Хозяева, желаю мальчику добра, приучают его к тяжелой работе, чтобы он с будущего года мог наняться не в пастухи, а в батраки, а он вместо благодарности только огрызается! У кого тут не иссякнет терпение? У Крикума оно иссякло, и для Яниса дело кончилось поркой. По глубокому убеждению Крикумы, порка всегда оказывала самое благотворное влияние как на характер, так и на здоровье. Говорила ли она это, исходя из собственного опыта, так и останется невыясненным, но на Яниса порка не оказала благотворного действия. Мальчишка стал еще злее и упрямее, надвигал фуражку на самые глаза и, как волчонок, глядел сквозь щели рваного козырька. Помочь в таком деле могла, конечно, только повторная порка! И он ее получил...

Bet tad notika kaut kas neierasts, kaut kas nedzirdēts. Atgadījās, ka pagasta tiesa nākošajā dienā noturēja savu ierasto sēdējumu, un Jānis, saimniekam neko nesacīdams, gāja uz pagasta namu un apsūdzēja Krikumu par patvarību. Nabaga neapdomīgais zēn! Pagasta tiesas priekšsēdētājs bija Krikuma svainis, un tas atvēra platas acis, kad Jānis savu sūdzību nesa priekšā. Tad viņš atvēra savu gudro muti un garākā runā, kurā iepina daudz nozīmīgu bībeles pantiņu, pamācīja Jāni, tai iet uz mājām un ir paklausīgs. Bet, kad viņš redzēja, ka viņa tēvišķā un labi domātā pamācība uz Jāni nedarīja nekāda iespaida, viņš savu balsi pārvērtā un asiem vārdiem izbāra Jāņa nepieklājīgo izturēšanos, atgādināja viņam visus viņa netikumus un pēdīgi teica, ka Jānis to varot atzīt par savu laimi, ka tik godīgi cilvēki kā Krikumi viņu pieņēmuši par ganu. Jānis mierīgi noklausījās, līdz pagasta tiesas priekšsēdētājs beidza runāt, un tad īsi un rupji vaicāja:

Но тут и произошло нечто неслыханное и невиданное! Случилось, что как раз на другой день после порки состоялось очередное заседание волостного суда, и Янис, не сказал хозяину ни слова, пошел в волостное правление с жалобой на самоуправство Крикума. Бедный, неразумный мальчик! Когда Янис выступил со своей жалобой, председатель волостного суда, который приходился Крикуму шурином, остолбенел. Но потом уста его отверзлись, и в длинной речи с множеством приличествующих случаю библейских текстов председатель объяснил Янису, что тот должен отправиться домой и впредь стараться быть послушнее. Но когда он увидел, что его прочувствованное отеческое поучение не оказывает на Яниса должного впечатления, он заговорил более сурово - выбранил пастуха за непристойное поведение, напомнил ему все его прежние прегрешения и закончил тем, что Янис должен почитать за счастье, если его наняли в пастухи такие прекрасные люди, как Крикумы. Янис спокойно выслушал речь председателя, а потом резко и коротко спросил:

«Vai pie jums nekādas taisnības nevar dabūt, ko?»

- Значит, правды у вас не добьешься?

Vispārīga kustība tiesnešu starpā; tiesas priekšsēdētājs, kurš vairāk dīkstēja darīt nekā citi tiesneši, ar dūri sita uz galda, ka tas brīkšķēja vien.

Это вызвало всеобщее замешательство среди членов суда. Председатель, чьи полномочия были значительно шире, чем у других судей, стукнул кулаком по столу так, что тот затрещал.

«Pie joda, taisies, ka tiec uz māju, muļķa zēn!» viņš sašutis brēca. «Citādi tev būs jāie pazīstas ar Biezumnieku!»

- К черту! Убирайся домой, глупый мальчишка! - заорал он в исступлении. - Или тебе придется познакомиться с Биезумнииеком!

«Oho! Es tevi jau sen pazīstu, tu -» «Puika!»

- Ого! Да я тебя давно знаю! Ты... - Мальчишка!

Biezumnieks brēca un piecēlās visā cienībā no tiesas galda, tā ka viņa krēsls ar lielu troksni nogāzās gar zemi.

- взревел Биезумниек и поднялся во всем своем величии из-за судейского стола, с грохотом опрокинув стул.

«Nāc vien šurpu!» Jānis izsaucās, izstiepdams dūri pret Biezumnieku, un, iekam kāds viņu spēja kavēt, viņš no tiesas istabas bij izgājis...

- Подойди только! - крикнул Янис, выставя кулак, и, не дав никому опомниться, выскочил из суда.

Kad Krikumienei par šo notikumu ziņoja, tad viņa teica, ka viņas mati no brīnumiem ceļoties stāvu par tādu nekrietnā zēna bezkaunību. Viņas brālam, kurš piederēja pie pagasta cienīgākās ģimēļas, četrus tiesnešus un skrīvera klātbūtnē rādīt dūri, - tādu noziegumu vajadzēja bargi sodīt. Ka Jāni par to nepakāra, bet tikai visā klusībā krietni nopēra, par to viņam bija jāpateicas Krikuma labsirdībai. Bet gaišmataino Līzi, kas Jānim palīdzēja lopus ganīt, Krikumiene mīlīgāki un ciešāki nekā citās reizēs pamācīja, lai Jānim vairs nekad neļauj aiziet no lopiem, kā viņa nesen bij darijuse; viņš caur tādu vazāšanos nomaldišoties uz neceļiem, viņam prožām esot, kāds vilks varot atnākt Utt. - Bet Krikumam viņa teica, ka meiteni arī vajadzējis nopērt. Bet ko lai dara? Ar Līzi vajadzēja apieties «kā ar jēlu olu», jo viņa bij ļoti vāriga un par katru nieku sūdzēja mātei. Ai, un šās mātes mēle bija asāka nekā abējās pusēs griezīgs zobens!

Когда о случившемся сообщили Крикуме, она сказала, что от бесстыдства этого мерзкого мальчишки у нее волосы становятся дыбом. В присутствии четырех судей и писаря показать кулак ее брату, представителю самого уважаемого рода в волости, и председателю суда - нет, такое преступление требует сурового наказания! За то, что его не повесили, а только выпороли как следует, Янис должен бы от всей души поблагодарить добросердечного Крикуму. А светловолосой Лизе, помогавшей Янису пасти скотину, Крикума ласковее и строже, чем обычно, внушила, чтобы та никогда больше не позволяла Янису, даже не минуту, отлучаться от стада, как та недавно сделала. Такие отлучки сведут парня с пути истинного, в его отсутствие на стадо может напасть волк и так далее. Крикуму же она сказала, что девочку тоже следовало бы выпороть. Но что поделаешь! С Лизой приходится обращаться, "как с сырым яйцом", - эта неженка по каждому пустяку бежит жаловаться своей мамаше. А язык ее мамы острее обоюдоострого меча!

Līze, slaiki noauguse meitene, kuras sejā bij dziļas baku rētas, bija vienīgā cilvēcīgā būtne, kura Jāni varēja ciest. Spēcīgais, sārtais zēns ar brūnajiem, sajukušajiem matiem, spītīgi mirdzošajām acīm šai nabagai nekošai meitenei ar salmu krāsainajiem, plānajiem matiem jau pašā pirmā dienā bija patīcis. Arī pret viņu Jānis iesākot bija bijis rupjš, kāds viņš bija pret katru, bet, kad viņa visu pacieta, un tad, kad viņš tai par daudz pāri darija, tikai rūgti noraudājās, tad viņš pamazām pārgrozījās, un pēdīgi viņa nelaiptība gluži mitējās.

Лиза, стройная девочка с глубокими оспинками на лице, была единственным человеческим существом, терпимо относившимся к Янису. Сильный, рямяный парнишка, с каштановыми спутанными волосами и упрямым блеском в глазах, с первого же дня понравился этой некрасивой девочке с жидкими волосами соломенного цвета. Янис вначале был с ней так же груб, как и с остальными, но девочка все переносила молча и только, когда парень уж слишком ее обижал, потихоньку горько плакала. Постепенно и он начал меняться, и через некоторое время его резкость почти исчезла.

Priekš šādas pārgrozības sekošais atgadījums daudz palīdzēja.

Этой перемене способствовал и следующий случай.

Sējamā laikā dažreiz Līzei, dažreiz Jānim vienam bija jāgana lopi. Tad notika, ka divas govys, Jānim nemanot, bija nošķīrušās no citiem lopiem un iegājušas rudzu laukā, kur tās padarīja diezgan lielu skādi. Kad Krikums šo skādi manīja, viņš bija ļoti sašutis un vaicāja, caur kā palaidnību tas noticis. Pirms Jānis varēja apdomāties, ko atbildēt, Līze teica:

«Es esmu vainīga. Kādā rītā biju aizmigusēs, un tad govys bij iegājušas rudzos.»

«Tu slinkā, miedzīgā, palaidnīgā meitene!» saimnieks sašutis brēca; bet gudrā Krikumiene viņu mierināja.

«Nebrēc jel! Caur to tu neko vairs nelabosi!» viņa teica un tad, uz meitenes pusi pagriezusēs, turpināja: Caur to tu neko vairs nelabosi!» viņa teica un tad, uz meitenes pusi pagriezusēs, turpināja: «Nebaidies vis, bērns; tas ikkatram var atgadīties. Tava māte pļaujamā laikā skādi atstrādās pie labības pļaušanas.»

Ar to lieta bija nobeigta.

«Kādēļ tu vainu ņēmi uz sevi?» Jānis vaicāja, kad viņš ar Līzi bija viens. «Man to skādi vajadzēja atlīdzināt.»

«Jā, tu!» skuķe atbildēja. «Tev trīskārt būtu bijis jāatlīdzina un pie tam jādzird sprediķis, kas būtu bijis garāks nekā tas, ko baznīckungs saka no kanceles.»

«Par Krikuma sprediķi neko nebēdāju.» Jānis teica. «Man viena alga, vai Krancis rej, vai viņš runā!»

«Bet viņš tev būtu darījis netaisnību! Vai viņš tev ticētu, ka govys pret tavu gribu nobradājušas rudzus? Nekad! Un es nevaru paciest, ka tevi teic sliktāku, nekā tu esi!»

Во время сева то Лизе, то Янису приходилось пасти в одиночку. и вот случилось, что две коровы незаметно для Яниса зашли в рожь, причинив довольно большой ущерб. Обнаружив это, Крикум страшно разозлился. Из-за чьей это лени и распущенности должен он терпеть такой убыток? И, прежде чем Янис успел разинуть рот, Лиза выпалила:

- Это я виновата... Утром я нечаянно уснула, и коровы зашли в рожь.

- Лентяйка! Соня! Распущенная девчонка! - орал рассвирепевший хозяин, но рассудительная Крикума его успокоила:

- Зачем ты так кричишь? Криком беде не поможешь! - и, повернувшись к Лизе, заметила: - Ничего, детка, не бойся! Это со всяким может случиться! Во время уборки хлеба твоя мать отработает.

Тем дело и кончилось.

- Зачем ты взяла вину на себя? - спросил Янис, когда они с Лизой остались одни. - За потраву должен я платить.

- Да, ты, - ответила Лиза, - только с тебя хозяин содрал бы втрое больше, да еще заставил бы выслушать проповедь куда длинее, чем воскресная проповедь пастора в церкви.

- Проповеди хозяина меня не беспокоят,- сказал Янис.- Мне что Кранцис лает, что он говорит.

- Он бы тогда поступил не по справедливости. Разве он поверит, что ты не заметил, как коровы забрели в рожь? Ни за что! А я не могу вынести, когда на тебя плетут напраслину.

Jāņa pateicīgs acu uzmetiens Līzei bija par algu par šiem vārdiem. No šā acumirkļa starp abiem draudzība bija nodibināta, kas vienmēr tapa ciešāka un sirsnīgāka.

Pavasara pagāja, vasara pienāca. Lauki pārvērtās zaļi, sarkanās zemes mirdzēja krūmos un grāvju malās, visur bija redzama dzīvību izelpojoša pilnība. Laiks bija jauks; šad un tad uznāca atspirdzošs lietus un atnesa pārmaiņu vienmulīgajās saules dienās.

Jānis un Līze laimīgi ganīja ganāmo pulku. Viņi daudz nerunāja, bet bieži sēdēja kopā - viņa, zeķes vai cimds adīdama, viņš, karotes vai citu ko taisīdams; brūnais Krancis pa tam snauda pie viņu kājām. Līzei visvairāk patika priekšpusdienas. Kamēr govīs un aitas rasainā zālē ganījās, Līze un Jānis viens pa otram varēja pagulēties. Kad Jānis gulēja, viņš galvu mēdza nolikt uz skuķes ceļiem vai viņas klēpī. Tad viņa varēja ieskatīties tā mīļā sejā. Viņa daudzreiz domāja par to, cik mierīgs viņš izskatījās gulot un cik niknis viņš varēja tapt, nomodā būdams. Ai, kāpēc viņa to neiespēja pārvērst, pārlabot!

Dažreiz, kad viņš, mierīgi elpodams un galvu atliecis, gulēja, viņai radās vēlēšanās viņu noskūpstīt; tad viņa lēni noliecās pie viņa, aizskāra viņa sārtās lūpas ar savējām, - viņam nevajadzēja manīt, ko viņa darija. Bet viņš to tomēr manīja, un reizi, kad tā viņu atkal bija skūpstījuse, viņš atvēra acis un uzskatīja skuķi ar laimīgu smaidu.

«Skūpsti mani vēl reizi, Līze,» viņš teica.

Tad notika neizdevīgais gājums pie pagasta tiesas, uz kuru Līze viņu bija pierunājuse, un tad notika jau pieminētā nelaime.

Благодарый взгляд Яниса был ей наградой. И с этого дня между ними установилась дружба, которая росла и крепла с каждым днем.

Прошла весна, наступило лето. Зазеленели поля, под кустами и в придорожных канавах покраснелась земляника, всюду чувствовалось дыхание жизни... Стояла теплая, ясная погода, временами выпадал освежающий дождик, вносящий некоторое разнообразие в монотонность солнечных дней.

Янис и Лиза пасли стадо и были счастливы. Разговаривали они мало, но часто сидели вместе: она вязала чулки или варежки, он вырезал ложки или еще что-нибудь мастерил. Лохматый Кранцис дремал у их ног. Лизе больше всего нравилась послеобеденная пора. Коровы и овцы спокойно паслись на росистой траве, и Янис и Лиза могли попеременно подремать. Янис обычно спал, положив голову на колени девочки, и она могла сколько угодно смотреть на его милое лицо. Она часто думала о том, каким спокойным и добрым казалось его лицо во сне и каким злым, упрямым, когда он просыпался. Почему она не в силах его исправить?

Когда он крепко спал, запрокинув голову, у нее иногда появлялось желание поцеловать его. Тогда она осторожно нагибалась легко касаясь его красных губ своими губами. Он не должен этого почувствовать, не должен знать, что она делает... Но он все же почувствовал и как-то раз открыл глаза и со счастливой улыбкой взглянул на девочку.

- Поцелуй еще раз, Лиза, — сказал он.

Но вот Янис предпринял неудачный поход в волостной суд, на который его подбила Лиза, а потом случилось несчастье.

Bija lietaina diena, kura daudziem nepatika, tādēļ ka tajā bija tuvējais lielākais tirgus. Uz lielceļa bija dubļi, lauku ceļi caur ļaužu šurpu un turpu braukāšanu ļoti izbraukti. Jānis viens pats ganīja lopus, tādēļ ka māte Līze bij aizveduse uz tirgu. Viņš sēdēja ceļa malā un saīdzis skatījās uz neskaidra ūdeņa peļķēm, kurās lietus pilieni lēni, plīkšēdami iekrita. Tad kādi vāgi brauca. Jānis vienaldzīgi pacēla acis. Braucējs bija Biezumnieks, pagasta tiesas priekšsēdētājs, kurš brauca no tirgus uz māju. Tas likās būt par daudz dzēris, jo viņš nežēlīgi sita gurdenam zirgam, kurš apstājās Jāna tuvumā pie kāda tiltiņa. Bet, kad Biezumnieks bez mitēšanās nabaga lopiņam cirta ar pātagu, tad tas uzreiz iešķībi lēca pār tiltiņu; viens ritenis pie tam pārslīdēja pār tiltiņa galu, vāgi kādu acumirkli gorījās un tad no tiltiņa iegāzās grāvī, kurš līdz pusei bij ūdeņa pilns.

No negaidītā kritiena pārsteigts, Biezumnieks kādas sekundes palika grāvī; tad viņš izrāpās ārā, ar pātagas kātu dubļus nobīdīdams no saviem virssvārkjiem, un, kā palīga meklēdams, skatījās apkārt.

«Ā-a,» viņš ar stīvu mēli teica, kad ieraudzīja Jāni, «nāc man palīgā, zēn! Šodien sasodīti slikts laiks. Nu pagaidi vien, lops, es tevi mācīšu - nu ko tu tur stāvi, kusties taču, zēn! Nāc!» «Kusties pats - manis dēļ sašķīsti,» Jānis atbildēja un rokas lēni salika uz muguras, un izplēta kājas.

«Nāc šurp, es tev saku!» Biezumnieks brēca, no dusmām nosarcis. «Ko tāda niķošanās lai nozīmē? He!»

«Brēc, cik tu vari,» Jānis nicinādams atbildēja. «bet, kad pie tam pārplīsti, tad saku, ka es tevis nesašūšu, jo neesmu skroderis.»

«Smurguli!» Biezumnieks rūca. «Turi muti! Šurpu pie manis!»

Весь день лил дождь, и это было особенно досадно, потому что именно на этот день в соседнем местечке был назначен большой базар. На большаке стояла грязь, а проселки превратились в сплошной кисель. Янис пас один. Лизе с матерью уехали на базар. Он сидел на краю дороги и тоскливо смотрел, как крупные капли дождя с легким плеском падали в лужи. Но вот на дороге появилась какая-то повода. Янис равнодушно окинул ее взглядом - это возвращался с базара председатель волостного суда Биезумниек. Видно, он слишком много выпил и теперь нещадно молотил усталую лошадь, остановившуюся неподалеку от Яниса, перед мостиком. Биезумниек не переставая хлестал несчастное животное; лошадь неожиданно рванулась на мостик, но одно колесо сорвалось, телега качнулась и рухнула в канаву, до половины затопленную водой.

Ошеломленный неожиданным падением, Биезумниек несколько мгновений пролежал в канаве; затем, опомнившись, выбрался и, сбивая кнутовщицей с одежды комья грязи, стал озира́ться в поисках помощи.

- А... а...- проговорил он заплетающимся языком, увидев Яниса.- Эй, малый, помоги!.. Чертова скверная погода! Погоди, дохлятина, ты еще свое получишь! Ну, чего ты смотришь! Пошевеливайся! Да иди же скорей! - Пошивеливайся сам! А по мне... хоть ты провались на месте! - ответил Янис, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

- Иди, тебе говорят!- зарычал Биезумниек, побагровев от злости.- Это что еще за шутки?

- Ори, сколько влезет! - презрительно ответил Янис. - А лопнешь со злости - чинить не буду: я не портной...

- Сопляк! - взвыл Биезумниек. - Держи язык за зубами и марш сюда!

«Turi pats muti, netaisnais tiesas vīrs!»

- Сам держи язык за зубами, судья
неправедный!

«K-a-s?»

- Что-о-о?!

Biezumnieks bij zēnam pieskrējis tik ātri, cik
viņa nestingrās kājas atvēlēja, un uzskatīja viņu ar
satvīkušajām acīm.

Биезумник подбежал к Янису с такой
быстротой, на которую только были способны
его ослабевшие ноги, и уставился на мальчика
налитыми кровью глазами.

«Nu?» Jānis vaicāja. «Vai tu domā, ka es
piedzērušu cilvēku neesmu redzējis? Fui, kā tu
smirdi - brandvīna muca!»

- Ну?- спросил Янис. - Думаешь, я пьяных не
видел? Тьфу, как от тебя разит - бочка сивухи!

Kā ugunsliesma piepeši šķīlās gar Jāņa acīm,
durstošas sāpes radās viņa galvā, viņš to abām
rokām satvēra, streipuļoja un ar asiņainu ģīmi
pakrita.

Будто яркое пламя вспыхнуло перед
глазами Яниса, острая колющая боль пронзила
голову, он схватился за нее обеими руками и
повалился наземь с окровавленным лицом...

Biezumnieks mierīgi atjūdza zirgu un, caur
дубļiem brizdams, to aizveda uz mājām.

Биезумник спокойно распряг лошадь и,
шлепая по грязи, повел ее домой.

Dienas un nedēļas pagāja, skumīgas dienas un
nedēļas. Jānis ilgi gulēja slim, un, kad viņš atkal
varēja iet pie darba, tad viņam bija tikai viena acs.
Biezumnieks otru aci tam bij izsitis.

Прошли дни и недели - мрачные дни и
недели.
Янис долго пролежал в постели, и, когда,
наконец, снова мог взяться за работу, у него был
лишь один глаз - другой выбил ему Биезумник.

Līze, kura pa savu brīvo laiku Jāni ar lielāko
rūpību kopa, bija par to ļoti nelaimīga. Viņai
izlikās, itin kā pate vienu aci būtu zaudējuse. Viņai
katru reizi pārgāja šaušalas, kad zem košajām
uzacīm uzskatīja tukšo bedri! Pusaklam visu mūžu
nodzīvot - ai, cik bēdīgi un briesmīgi! Un senāk tik
košā seja, cik nejauka tā tagad izskatījās!

Лиза, отдававшая все свободное время
заботливому уходу за Янисом, чувствовала себя
глубоко несчастной.
Ей казалось, будто она сама потеряла глаз.
Всякий раз, когда она смотрела на темным
провал под красивой бровью, ее хватывал ужас.
Как страшно, как горько остаться на всю жизнь
полуслепым! И каким безобразным казалось
теперь еще недавно такое прекрасное лицо
Яниса!

Jānis nesūdzējās un ar Līzi nekad nerunāja par
notikumu, bet viņa klusuciešana tai sacīja vairāk,
nekā vārdi iespēja sacīt.

Янис не жаловался и никогда не
рассказывал Лизе, как все произошло, но его
молчание было красноречивее всяких слов.

Reizi, kad viņi kā senāk uz ganībām blakus sēdēja un skuķe slepeni vienu savu aci brītiņu ar roku bija turējuse apsegtu, viņa piepeši ļoti sašutuse iebrēcās:

«Sātans, negantais nositamais cilvēks! Jāni, Jāni, vai tu to tā atlaidīsi? Cik ilgi tu stomīsies viņam atriebties? Jeb lai es tavā vietā to daru? Ko tu gribi: vai lai es viņam izplēšu acis iz pieres jeb lai viņu nokauju? Jā, es viņu ar šām rokām varu nožņaugt, tā - un tā -» Un pie tam viņa rādīja briesmīgas zīmes.

«Nē,» Jānis teica, «tev viņam nekas nav jādara, jo viņš tev arī neko nav darījis, gan es viņam atriebšu, pagaidi tikai.»

«Ko tu viņam padarīsi?» skuķe taujāja.

«To tev tagad nesacīšu.»

Un Līze gaidīja.

Bet pa tam Krikumiene nenogura, kaimiņiem un draudzenēm stāstīdama, cik taisnīgi Dievs darījis, bezdievīgo zēnu sodīdams ar acs zaudējumu.

Rudens pienāca. Koku lapas, pārvērtušās sarkanās, brūnās un dzeltenās, lidinājās kā putni koku zaros vējā. Lauki tapa tukši, siens no pļāvām jau sen bija savests šķūņos vai samests kaudzēs, naktssalnas ieradās. Lopus vairs nevarēja izlaist ganos.

Tad kādā naktī uguns liesmas iztraucēja no miega Biezumnieku iedzīvotājus. Biezumnieka lielais siena šķūnis, kurā gandrīz viss viņa siena krājums bija salikts, stāvēja liesmās. No glābšanas nebija nekā ko domāt. Vienīgais, ko vēl varēja darīt, bija tas - atsargāt, lai uguns nepārietu uz citām māju ēkām, jo vējš nesa uz turieni lielas degošas siena plēves.

Как-то раз, когда они снова сидели рядом на пастбище, Лиза тайком прикрыла рукой одини глаз, с минуту так просидела, потом вскочила и крикнула:

- Сатана проклятый! Убить такого мало! Янис, Янис! Неужели ты ему простишь? Скоро ли ты соберешься отомстить ему? Может, мне вместо тебя сделать это? Хочешь, я ему глаза выцарапаю или убью его? Да, я его готова своими руками задушить - вот так, вот так... - она жестами дополнила сказанное.

- Нет, - сказал Янис. - ничего ты ему не делай, раз он тебе ничего не сделал... Я сам ему отомщу, дай только срок!..

- Что ты сделаешь? - допытывалась Лиза.

- Сейчас я тебе не скажу.

И Лиза ждала.

А Крикума тем временем без устали толковала своим соседкам и подруженькам о том, как справедливо Всемогуший покарал безбожного мальчишку, лишив его глаза.

Подошла осень. Желтые, красные и бурые листья, как яркие птицы, кружились на ветру. Опустели поля, давно уже было убрано сено с лугов в сараи или собрано в стога. Ударили первые заморозки, и скот перестали выпускать на пастбище.

Как-то ночью усадьбу Биезумниекса охватило пламя пожара. Полыхал большой сарай, где хранился чуть ли не весь его зимний запас сена. О спасении нечего было и думать. Единственное, что еще можно было сделать, это отстоять другие постройки - ветром доносило до них пылающие клочья сена.

Biezumnieks dusmās šņāca. Bij skaidri noprotams, ka šķūni negantnieka rokas aizdedzinājušas. Kas šo jauno darbu gan bij padarījis? Nācās grūti uz kādu domāt, jo tiesas priekšsēdētājs, tiesu spriežot, samanto daudz ienaidnieku...

Биезумниек рвал и метал. В том, что это дело рук злодея, не было ни малейшего сомнения. Но кто именно это сделал, нелегко было догадаться. У председателя, который вершил суд и расправу, всегда было множество врагов.

Nākošā dienā Krikuma kalps; kurš bij bijis dzirnavās, pārnesa pagājušā naktī notikušās nelaimes vēsti.

На другой день приехавший с мельницы батрак Крикума передал эту новость хозяевам.

«Pagājušā naktī Biezumnieka lielais siena šķūnis nodedzis,» viņš teica, pie pusdienas galda piesēzdamies, ap kuru visa cita saime jau bij sapulcējusēs un ēda.

- Прошлой ночью сгорел большой сарай Биезумниека, - сказал он, сядя за стол, вокруг которого собрались на обед все домочадцы Крикума.

Krikumiene, kura ar sāpēm bija redzējuse astoņpadsmit kumosus pazūdot Jāņa mutē, ievēroja, ka zēns sarāvās, nosarka un kartupeļam ļāva nokrist zemē.

Крикума, с тоской следившая за тем, как Янис отправляет себе в рот восемнадцатый кусок, вдруг заметила, что малый вздрогнул, покраснел и уронил картофелину.

«Ak Dievs,» kāda kalpone teica, «pagājušā naktī! Kā tad tas nācis? Aiz neuzmanības? Var būt, ka čigāni vainīgi!»

- Ах ты, Господи! - сказала батрачка. - Прошлой ночью? Как же это случилось? Может, цыгане набедокурили?

«Čigāni?» kalps atbildēja. «Kādēļ tad tie lai aizdedzina siena šķūni? To kāds būs padarījis, kas Biezumniekam gribēja atriebties, to es saku, un tā katrs runā.»

- Цыгане?- возразил батрак.- Зачем цыганам сарай поджигать? Нет, это кто-нибудь хотел отомстить Биезумниеку... И я так думаю, и все так говорят.

«Tev taisnība, Andž,» saimniece apstiprināja, ar priekšauta stūri savas asaras no acīm izslaucīdama; «manam brāļam tik daudz ienaidnieku - arī mūsu mājā viens tāds. Vai nav tiesa, Jāni,» viņa teica, uz pēdējā pusi pagrieždamās, «tu gan laikam no sirds priecājies par Biezumnieka nelaيمي?»

- Твоя правда, Андж,- поттвердила хозяйка, вытирая углом передника слезы.- У моего брата столько врагов, и у нас в доме один есть! Правда, Янис? - добавила она, повернувшись к Янису. - Ведь ты от всей души радуешься несчастью Биезумниека?

«Nu, raudāt par to tiešām neraudāšu, to jūs gan varat domāt, saimniec,» Jānis apsmiedams atbildēja. «Priekš tam man par maz acu pierē, - Lize, nāc pagriez man teceli!» Pēc šiem vārdiem viņš aiztaisīja savu nazi, paņēma cepuri un izgāja ārā.

- Уж плакать-то не стану, насчет этого, хозяйка, будьте уверены! - с издевкой сказал Янис. - Для слез у меня не хватает глаз... Пойдем, Лиза, повертишь точило, надо косу наточить... - Янис сложил свой нож, взял фуражку и вышел.

«Pagaidi, ēku dedzinātājs,» saimniece bubināja.

- Ну погоди, поджигатель! - проворчала хозяйка.

«Kā tu ar šo izkapti vari pļaut, Jāni?» skuķe vaicāja, kad viņa ilgi klusuciedzama teceli bij griezuse.

- Разве такой косой косят?- после долгого молчания спросила Лиза, вертя точило. - Совсем короткая, вроде ножа.

«Tā jau īsa kā nazis.» «Kāda zāle; tāda izkaptis, man atāla vietā arī jāpļauj sniegs,» Jānis atbildēja. «Nāc vēlāk ar nesamiem palagiem uz pļavu zāli iesiet - man tev kaut kas jāsaka.»

- Какая трава - такая и коса. Придется вместо отавы косить снег. - ответил Янис. - Приходи после на луг, на не забудь захватить полог - траву нести... Мне нужно кое-что сказать тебе...

«Es to jau zinu,» Līze domāja.

"Я и так уже знаю", - подумала Лиза.

Jānis aizgāja.

Янис ушел.

Drīzi pēc tam Biezumnieks atbrauca savai māšai pavēstīt par notikušo ugunsgrēku un lietu pārrunāt. Krikumiene tūlīņ viņu ieveda saimnieku istabā un aizslēdza durvis.

Вскоре после этого приехал Биезумник рассказать сестре о пожаре и посоветоваться. Крикума тотчас увела его на хозяйскую половину и заперла за собой дверь.

«Es jau zinu, kādēļ atnāci,» viņa satricināta teica. «Tavs šķūnis pagājušā naktī aizdedzināts, un mūsu Jānis ir tas ļaundaris.»

- Знаю, знаю, зачем приехал... - проговорила взволнованно сестра. - Прошлой ночью сгорел у тебя сарай, а поджигатель наш Янис...

Biezumnieks iztrūkās.

Биезумник вздрогнул.

«Tā ir,» māsa, galvu palocīdama, teica un stāstīja, kas pie pusdienas galda noticis. «Tu pats viņu varētu pārklaut,» viņa turpināja, «viņš; tagad viens pats lejā pļavā, nav vēl pamatīgi izdomājis melus un, uz taviem vaicājumiem atbildot, varbūt sajuktu un pārrunātos.»

- Да, да, так оно и есть, - кивнула головой сестра и рассказала про разговор с Янисом за обедом. - Тебе бы следовало не медля его допросить, - продолжала она. - Он сейчас как раз на лугу один. Может, не придумал еще, что соврать, и тебе легко будет запугать его своими рассказами.

«Jā, bet vai tad kāds arī pamanījis, ka viņš izgājušā naktī nebija mājā?» Biezumnieks iemeta starpā. «Tā ir visgalvenākā lieta.»

- А скажи, из вас никто не заметил - прошлой ночью он из дому не выходил?- перебил ее Биезумник. - Это главное.

«Dievam žēl, nē; bet tāpat pret viņu liecina tas, ka viņš līdz šai dienai, kaut gan jau auksts laiks, vēl arvienu gulēja uz zirgu staļļa.»

- Вот жалко, этого никто не знает... Но против него говорит уже то, что он, несмотря на холод, все еще ночует в конюшне.

Pēc tālākas apspriešanās Biezumnieks steigās uz pļavu. Viņš pilnīgi bij pārliecinājies, ka Jānis un neviens cits viņa šķūni aizdedzinājis.

Потолковав еще немного с сестрой, Биезумниек поспешил на луг. Теперь он уже был совершенно уверен в том, что сарай поджег именно Янис.

«Nu, dēliņ,» viņš bildināja zēnu, kurš sapļauto atālu sagramstīja vienā vietā, «tu strādā ļoti uzcītīgi, - vai pagājušā naktī labi gulēji? Labrīt!»

- Ну, сынок, - приветствовал он Яниса, который сгребал только что скошенную траву. - Работашь ты куда как прилежно... Наверное, прошлой ночью хорошо выспался? - С добрым утром!

«Labrīt! Pateicos, ļoti labi gulēju, un jūs?» Jānis atbildēja, cenzdamies runāt Biezumnieka balsī un savu darbu turpinādam.

- С добрым утром! Спасибо, я-то хорошо выспался, а вы как? - ответил Биезумниеку в том же тоне Янис, продолжая сгребать траву.

Biezumnieks tapa tumši sārts. Bet viņš savaldījās un mierīgi teica:

Биезумниек побагровел, но сдержался и спокойно продолжал.

«Man bij nelāga nakts, mans lielais siena šķūnis nodedza.»

- У меня была тяжелая ночь. Сгорел большой сарай с сеном.

Tad, Jāņam piepeši gluži tuvu pieiedams un savas rokas tam ap pleciem apņemdams, un viņu kā dzelzs krampjos turēdams, viņš čukstošā balsī piezīmēja: «Un tu, zēn, to esi padarījis!»

Потом он подошел к Янису вплотную, схватил его за плечи, как клещами, и прошипел: - И это твоих рук дело...

Kādu acumirkli izlikās, it kā Jānis zem šāda apvainojuma smaguma gribētu sašļukt, bet tad viņš saņēmās un, stingri noturēdamies, rupji un dikti teica:

Первое мгновение казалось, что Янис упадет под тяжестью обвинения, но он быстро оправился и резко бросил:

«Biezumniek, kā tu tā vari domāt? Vai tu esi pustraks vai pilnīgi traks?»

- Откуда ты это взял, Биезумниек... Ты что, совсем уже спятил или только собираешься?..

«Puika,» Biezumnieks brēca, kurš vairs nevarēja savaldīties, «puika, izteic - vai es tevi saberzīšu!» Un viņš puiku stipri purināja.

- Мальчишка! - взвыл Биезумниек. - Признавайся, мальчишка, или я тебя в порошок сотру!..

«Kad tu gribi, lai izsaku un vairāk neko, tad: jā, es to padarīju,» Jānis teica...

- Ну, раз тебе хочется, чтобы я так сказал, пускай это я сделал!..

Biezumnieks izsauca kādu lāstu vārdu un atlaida Jāņa plecus. Bet tad viņš kā nikns zvērs tam uzklupa, sagrāba viņu pie rīkles un žņaudza to ar visu spēku. Tikai ar vislielākajām pūlēm Jāņam izdevās atrauties; viņš sašutis iekoda Biezumniekam pirkstā un ar dūri iesita tam pa ģimi.

«Tārps!» Biezumnieks, zobus griezdams, brēca, no dusmām gluži pārņemts, sagrāba Jāni, kā spalvu kušķi pacēla viņu uz augšu un tad ar visu spēku laida tam nokrist zemē.

Pakluss, sāpīgs brēciens skanēja no puisēna lūpām, viņš ar abām rokām nespēcīgi mēģināja pacelties, bet atkrita pagībis.

Tumšas asinis plūda no viņa muguras - viņš bij uzkritis uz izkopts, kuru neapdomīgi tā bij atstājis zemē, ka gals bij uz augšu, un izkopts gals bij iedūries viņa mugurā...

Biezumnieks, kā par stabu pārvērties, uzskatīja savu dusmu nedzīvo upuri ar platu muti un stīvām acīm; bet tad, no briesmīgām bailēm pārņemts, gandrīz nemaz nezinādam, ko darīja, viņš, kur tam vajadzēja gādāt palīdzību, bēdza uz tuvējo mežņu.

Kad Lize pēdīgi atnāca un jau no tālienes redzēja Jāni nekustoši pie zemes guļot, viņa, nekā laba neparedzēdama, gāja ātrāki un kā ārprātīga klupa Jāņam blakus zemē. Bet nākošajā acumirkli viņa atkal uzlēca stāvus, norāva lakatiņu no savas galvas, skrēja ar to pie tuvākā grāvja, iemērcēja to aukstā, neskaidrā ūdenī; tad viņa steidzās atkal atpakaļ pie Jāņa un spieda tam slapjo lakatu uz pieres.

Pēc kādām minūtēm viņš atvēra gurdenās acis.

«Biezumnieks?» - tas bij vienīgais vārds, kuru Līze aizsmakušā balsī spēja izrunāt.

Jānis pamirkšķināja acis.

Биезумниек выкрикнул какое-то проклятие и выпустил плечо Яниса, но потом снова кинулся на него, словно дикий зверь, схватил его за горло и начал душить. Янис вырвался с трудом, пришлось укусить Биезумниекa за палец и хватить кулаком по лицу.

- Гадина!.. - скрипя зубами, рычал Биезумниек. Вне себя от злости он схватил Яниса и, как горсть перьев, приподнял в воздух и изо всей силы швырнул наземь...

Негромкий крик боли вырвался из груди подростка, он сделал попытку опереться на руку, чтобы привстать, но тут же упал и потерял сознание.

По спине ручьем струилась темная кровь. Янис упал на косу, торчавшую в траве вверх лезвием, и конец лезвия вонзился ему в спину.

Биезумниек остолбенел. Раскрыв рот и выпучив глаза, тупо уставился на свою жертву, но потом, не помня себя от ужаса, бросился к соседнему лесу, вместо того, что бы позаботиться о помощи.

Но вот пришла Лиза. Еще издали увидев, что Янис лежит без движения, она почуяла недоброе, бегом бросилась к нему и, как безумная, повалилась рядом. Но в следующее мгновение вскочила, добежала до ближайшей канавы, сорвала с головы платок, намочила его в холодной мутной воде и прижала ко лбу Яниса.

Номного спустя Янис устало открыл глаза.

- Биезумниек? - спросила Лиза хриплым голосом.

В ответ Янис опустил веки.

«Ak Dievs, ak Dievs! Kā tad viņš zināja, ka tu -» «Es... to... viņam... pats... sacīju... lai viņu... kaitinātu... Bet es... šķūni... neaizdedzināju... Kāds... cits... bija... pasteidzies... man... papriekšu... es... to gribēju... darīt... Steidzies... pēc... palīdzības... ai...»

- Боже мой, Боже мой!
Откуда он мог знать, что ты... - Я ему... сам сказал! Чтобы разозлить... А сарай... не я поджег... другой... опередил... Я только собирался... Беги за помощью... ох!..

Pēc trim dienām Jānis bij nomiris. Uz māju nesot, viņš bij zaudējis valodu un samaņu.

Через три дня Янис умер. Еще по дороге к дому он перестал говорить и потерял сознание.

Divi reizes palīgā atsauktais ārsts neko nebij varējis līdzēt, un paruna, ar kuru Krikumiene klusībā bij mēģinājuse apmierināties, šoreiz nebij piepildījuses: Nezāle bij nokaltuse.

Два раза приезжал врач, но помочь уже не смог. Поговорка "сорная трава не вянет", которой обычно утешалась Крикума, на этот раз не сбылась - сорная трава завяла...

Nākošā svētdienā Jāni paglabāja.

В следующее воскресенье Яниса похоронили.

«Dievs labi dara ko darīdams,» raudošā Krikumiene vairāk reizes teica saviem no kaimiņiem sanākušiem viesiem, kad tie Jāņa ātro nāvi pārrunāja. «Kas var zināt, kas no tā zēna vēlāk būtu iznācis... Es tikai vēlētos zināt, vai viņš pats tik nelaimīgi kritis, jeb vai varbūt skuķe - viņi abi bij tik nesavaldāmi - -» Draudzes skolotājs pie kapa atkārtoja jau sen galvā iekaltu bērnu runu un par savām pūlēm dabūja rubli, un brauca līdz uz bērnu māju. Tur viesi dzēra kafeju un brandvīnu un ēda sivēna gaļu un .zirņus, un pēc tam jaunākie ļaudis pie harmonikas mūzikas drusku padancojās. Vēlu vakarā visi šķīrās.

- Господь Бог знает, что делает! - плача, говорила Крикума собравшимся на похоронах соседям. - Неизвестно, что бы вышло из этого мальчишки. Мне бы только хотелось узнать, сами он так неудачно упал или это его девчонка толкнула. С ними обоими никакого сладу... Умогули приходской учитель повторил давным-давно заученное надгробное слово, получил рубль за труды и вместе с другими приглашенными поехал в "дом скорби", где гости пили кофе и вино, ели свинину и горох. Под конец молодежь немного потанцевала под гармонику. Разошлись гости поздно.

Biezumnieks nebij atnācis uz bērēm, kaut gan arī viņš, kā Krikumienes tuvākais radnieks, bija ielūgts. Noskumuse saimniece izskaidroja saviem viesiem, ka viņas brālis caur ugunsgrēku stipri sabaidījies un neesot īsti vesels.

Биезумника на похоронах не было, хотя его и известили как ближайшего родственника хозяйки. Опечаленная Крикума рассказывала гостям о том, что брат ее так переволновался во время пожара, что до сих пор еще недомогает.

Līzi neviens nebija ievērojis. No kapsētas pārnākuse, viņa tūlīt bija uzsēdusies aizkrāsnē uz mūrīša un, pret visu vienaldzīga būdama, stīvām acīm skatījās uz zemi. Neviens viņu tur neredzēja, tikai viņas māte, kura arī bija atnākuse uz bērēm, šad un tad piegāja pie viņas, sacīdama kādus mīļus, mierinošus vārdus. Šai runīgajai sievai patiesi bija rūpes par savu bērnu, un, kad Līze liedzās pat pie vakariņām iet, tad māte iesāka raudāt.

«Meitiņ, bērniņ, kas tev ir?» viņa bailīgi vaicāja. «Neskaties jēl tik sveši uz visām pusēm, tu mani izbiedē, runā jēl, izraudies, tu vēl nevienas asaras neesi izraudājuse, un es taču zinu, ka tu ar Jāni labi satiki un viņa nāve tev ķeras pie sirds. Bet nesēdi tā - tik mēma un auksta, ak Dievs, ak Dievs, nedari mani nelaimīgu! Tev strauja sirds. Bet apdomājies, tu esi mans vienīgais bērns, visa mana manta šajā pasaulē! Kad tu sev padarīsi kādu kaiti, tad es miršu žēlabās!» Bet viņai nebija jāmirst žēlabās.

Līze ne sev, nedz citiem nedarīja nekādas kaites. Viņa bija pārvērtusēs klusa un domīga, varēja brīžam stundām domīgi sēdēt bezdarbībā, bet citādi viņa bija palikuse, kāda bijuse. Kad viņa savu gadu pie Krikumiem bija nokalpojuse, tad viņa aizgāja pie vietējā mācītāja par kalponi, palika tur četrus gadus un tajā laikā no mācītāja kundzes iemācījās smalkus rokdarbus strādāt un ar šujmašīnu rīkoties. Kad viņa no mācītāja aizgāja, tad viņa ar māti pie kāda saimnieka noietās uz īri un nodarbojās ar sieviešu apģērbu izgatavošanu. Māte un meita tagad laimīgi dzīvoja kopā. Bet šī laime ilgi nepastāvēja. Jau pēc kāda gada māte saaukstējās, saslima un nomira. Līze izrīkoja mazas bēres, kurās salūdza vistuvākos radus, tad pamazām pārdeva visas savas lietas, izņēma pasi un teica, ka aiziešot uz Rīgu. Bet neviens no viņas pazīstamiem viņu ne tur, nedz citur vairs nav redzējis.

Bet kādu laiciņu pēc Līzes aiziešanas šāda briesmu ziņa izpaudās pa pagastu: «Biezumnieks nokauts!» Viņu atrada klēti, kur tas pa vasaru mēdza gulēt, gultā bez dzīvības. Nodiluse, īsa izkaptis bija iedurta viņa sirdī...

На Лизу никто не обращал ни малейшего внимания. Вернувшись с кладбища, она забралась на лежанку за печкой и, равнодушная ко всему, застывшим взглядом уставилась в пол. Никто даже не заметил, что она сидит там, никто, кроме пришедшей на похороны матери Лизы, которая то и дело подходила к ней и пыталась утешить теплым словом и лаской. У этой разговорчивой женщины болело сердце за свое дитя, а когда Лиза отказалась даже от ужина, мать разрыдалась.

- Доченька, дитятко, что с тобой? - робко спрашивала она. - Не сиди, как мертвая, не смотри так, ты меня пугаешь!.. Ну, скажи хоть словечко, поплачь, ну, поплачь, ведь ты же еще ни слезинки не уронила!.. Я знаю, что вы с Янисом дружили и как тебе тяжело... Только не сиди... как каменная... Боже мой, Боже мой... не посылай мне такого несчастья!.. У тебя, дочка, сердце горячее... Ты подумал и обо мне: ты моя единственная опора и все мое богатство! Если с тобой что случится, я помру от горя!..

С Лизой ничего не случилось. Она только стала какой-то тихой и задумчивой, могла часами сидеть без дела, но в остальном была все та же. Отработав свой срок у Крикумов, она нанялась в служанки к пастору и за четыре года, которые прослужила у госпожи пасторши, выучилась тонким рукодельям и обращению со швейной машиной. Взяв расчет у пастора, они с матерью устроились постоялицами на каком-то хуторе, и Лиза занялась шитьем. Мать и дочь зажили счастливо. Но счастье это длилось недолго. Через год мать простудилась, неделю проболела и умерла. Лиза позвала на похороны лишь самую близкую родню, а вскоре после похорон распродала имущество, выправила паспорт и объявила, что переезжает в Ригу.

Вскоре после отъезда Лизы волость облетела страшная весть: зарезан Бiezumniek. Его нашли мертвым в амбаре, где он всегда спал летом. Лезвие короткой косы было воткнуто прямо в сердце.

Jāņa kops, kurš katrā vasarā bij līdzinājies puķu dobei, pēc Līzes pazušanas pamazām panīka. Atraitnītes, neļķes un neaizmirsteles uz tā iznīka. Starp lielām nātrām vēl tikai kādas retas, zilas puķītes kā baidīdamās parādās, bet arī tās drīz iznīks, taps izskaustas, un uz sabrukušā kapa augs un kuplos tikai - nezāle.

Могила Яниса все эти годы напоминала пышную клумбу, но после отъезда Лизы быстро засохла. Погибли анютины глазки, гвоздики и незабудки; из пышных кустов крапивы и сорняков кое-где еще испуганно выглядывают какие-то голубые цветочки, но скоро и они исчезнут; на заброшенной могиле будет расти и цвести одна лишь сорная трава...
